

О. А. Поворознюк

**«АБОРИГЕНЫ», «БАМОВЦЫ» И «ПРИЕЗЖИЕ»:
СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СЕВЕРЕ ЗАБАЙКАЛЬЯ¹**

Введение

Север Забайкальского края — регион, характеризующийся богатым природно-ресурсным потенциалом, этническим и культурным разнообразием населения. Аборигенное население (эвенки) соседствует здесь с русскими и представителями других этнических групп, мигрировавших в регион в разные периоды его промышленного освоения. На территориях расселения эвенков находятся крупнейшее Удоканское месторождение меди, перспективные полиметаллические и каменноугольные месторождения, которые стали доступными благодаря строительству Байкало-Амурской магистрали (БАМа). Развитие транспортной и горнодобывающей промышленности в 1970–1980-х годах способствовало массовому притоку полиэтнического населения из центральных регионов страны и бывших союзных республик, которые сформировали основное население зоны БАМа (в нее входит Каларский район Забайкальского края). В постсоветское время социальная и этническая мозаика региона дополнилась вахтовыми рабочими из других районов края и регионов России и предпринимателями из стран СНГ.

В центре внимания статьи — анализ динамики социальных отношений на севере Забайкалья в поздний советский и постсоветский периоды. Мы утверждаем, что на протяжении рассматриваемого периода БАМ играл роль не только важнейшей транс-

¹ Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Влияние модернизационных процессов на традиции коренных малочисленных народов Севера и Сибири РФ (XX — нач. XXI в.)».

портной инфраструктуры, но и агента социальных изменений, связанных с миграциями и формированием населения региона. При этом на БАМе, как и на других «стройках коммунизма» на Севере [Bolotova, Stammler 2010], несмотря на сложные культурно-бытовые условия проживания мигрантов, формировалась более толерантная и однородная социальная среда, чем, например, в мегаполисах [Sahadeo 2012].

Социальные и межэтнические отношения между основными группами местного населения — представителями коренных народов Севера («аборигенами»), строителями БАМа («бамовцами») и постсоветскими мигрантами («приезжими») — являются аспектом устойчивого социально-экономического развития региона. Как иллюстрирует проведенное исследование, отношения между этими группами варьировали от сотрудничества и мирного сосуществования до конкуренции и ущемления интересов национальных меньшинств в сферах трудоустройства и распределения ресурсов.

Анализируя социальные отношения в контексте миграций, развития транспортной инфраструктуры и ресурсной экономики, мы используем понятие проницаемости культурных границ в выстраивании различий между группами [Barth 1969], а также концепцию политики идентичности, которая базируется на конструктивистском толковании идентичности как гибкого инструмента, используемого в определении критериев принадлежности местному сообществу в борьбе за ресурсы [Sokolovskii 2012]. Политика идентичности на местном уровне связана с государственной национальной политикой и идеологией. Если в советское время освоение Севера проходило под лозунгами комсомольского движения, то сегодня межнациональные отношения регулируются обновленной концепцией государственной национальной политики [О стратегии 2012], которой еще предстоит доказать свою эффективность в случаях адаптации новых трудовых мигрантов из постсоветских государств.

«Аборигены»

Эвенки, один из коренных малочисленных народов Севера, традиционно вели кочевой образ жизни, основанный на ком-

плексном хозяйстве [Василевич 1969; Туголуков 1962]. Коллективизация и политика развития сельского хозяйства, осуществляемые в советский период, привели к оседанию кочевого населения в специально построенных национальных поселках и переходу на вахтовый метод в традиционных отраслях хозяйства — оленеводстве, охоте, рыболовстве. Сменный выпас, который должен был увеличить продуктивность и рентабельность мелкостадного эвенкийского оленеводства, на практике привел к социально-профессиональной диспропорции среди коренного населения по гендерному признаку. В то время как мужчины продолжали работать в традиционных отраслях, находясь посменно в тайге, женщины находили занятость в государственной сфере и оставались с детьми в поселках [Бурькин 2002; Kwon 1997]. Оленеводческие хозяйства, появившиеся после реорганизации колхозов, унаследовали вахтовый метод работы, который к настоящему времени практически полностью вытеснил т.н. бытовое кочевание среди эвенков севера Забайкалья [Povoroznyuk et al. 2010].

По данным 2010 г., в Забайкальском крае проживало 1387 эвенков, в том числе 1179 чел. — сельское, 208 чел. — городское население; русским языком владело 1383 чел., бурятским — 100 чел. и эвенкийским — лишь 69 чел. (данные Всероссийской переписи населения 2010 г. с официального сайта Госкомстата: <http://www.gks.ru> (по состоянию на 04.08.2014)). По данным муниципальных образований, на 1 января 2013 г. в Каларском районе, самом большом из трех северных районов края, относящемся к зоне БАМа, проживал 501 эвенк [ПМА 2013]. Основными местами компактного проживания эвенков являются национальные поселки Чапо-Олого, Кюсть-Кемда, Средний Калар, Неляты, районный центр с. Старая Чара, а также поселки Новая Чара и Куанда, расположенные вдоль БАМа. Большинство эвенков живет оседло, работая в госучреждениях; 41 человек занят в оленеводстве и 99 чел. — в охотпромысле. Поголовье домашних оленей в районе составляет около 1700 голов. Официально земли для ведения традиционного природопользования закреплены в аренду или безвозмездное срочное пользование лишь за шестью предприятиями, среди которых две общины коренных малочисленных

народов Севера (КМНС), 2 ИП, 2 ООО [Данные администрации Каларского р-на 2013].

Среди перспективных направлений социально-экономического развития, в котором принимают участие эвенки, — этнотуризм и переработка продукции оленеводства (панты, сувенирные изделия, одежда и обувь из оленьих шкур). В Каларском районе уже имеется опыт развития направлений этно- и агротуризма на базе школы-интерната в пос. Куанда, а также пошива и сбыта меховых изделий, сувенирной продукции и заготовки пантов. Однако реализация этих проектов в более широких масштабах требует долгосрочных инвестиций в развитие инфраструктуры и покупку перерабатывающих цехов со стороны государства и бизнеса, которые районные власти пока не способны привлечь.

Несмотря на сложные социально-экономические и климатические условия проживания, эвенки оставались и остаются наиболее стабильным населением северных районов Забайкальского края. Часть из них до сих пор ведет кочевой или полукочевой образ жизни, мигрируя в основном в пределах северных районов и соседних Якутии и Амурской области. Однако в целом для них характерны ограниченная география миграций и низкая социальная мобильность [Карпов 2003]. Такая «укорененность», привязанность к месту своего рождения обусловлена как особым мировоззрением и тесными родственными связями, так и ограниченностью возможностей для обучения и трудоустройства в областном центре (г. Чите) и тем более в других регионах. Не случайно, противопоставляя себя другим этническим и социальным группам, эвенки используют термин «аборигены» [ПМА 2013].

В конце 1990-х — начале 2000-х годов на волне международного движения в защиту прав коренных народов в нашей стране был принят ряд важных федеральных законов, признающих право этих народов на приоритетное землепользование, ведение традиционного образа жизни, сохранение этнических языков и культуры. В последнее десятилетие наблюдаются тенденции изъятия правовых норм и гарантий, закрепленных ранее в федеральном законодательстве [Якель 2010]. Официально Российская Федерация участвует в мероприятиях, приуроченных ко II Международ-

ному десятилетию коренных народов, и имеет ряд целевых программ поддержки малочисленных народов Севера. Однако на примере Забайкальского края видно, что в последнее десятилетие финансирование социальных программ развития коренных народов сокращается [Данные Минтерразвития Забайкальского края 2013], а сами КМНС перестают выделяться в отдельную группу населения с особым статусом. Такое положение на практике лишает эвенков возможностей реализовать свои права и интересы, особенно в сфере землепользования, которая является важнейшей для ведения традиционного хозяйства и образа жизни.

«Бамовцы»

БАМ — крупнейшая на севере Восточной Сибири и Дальнего Востока транспортная артерия, пересекающая границы шести федеральных субъектов и имеющая важное геополитическое значение как средство сообщения Центральной России с Азиатско-Тихоокеанским регионом. В 1970–1980-е годы для его строительства на север Забайкалья стягивались трудовые ресурсы из различных частей Советского Союза — из западных и центральных регионов России, Украины и Белоруссии, а также республик Центральной Азии, Кавказа и Прибалтики [Белкин, Шереги 1985]. Поселки и города вдоль трассы БАМа строились организациями из разных регионов и союзных республик. Региональная и этнокультурная специфика так называемых «шефских организаций» нашла свое отражение в архитектуре вокзалов (вокзал в пос. Чара построен в форме казахской юрты), планировке и названиях улиц (улицы Арбат, Красная Пресня и Московских строителей в г. Тында) и в национальном составе населения «бамовских» городов и поселков.

Строители БАМа («бамовцы») — общее название и самоназвание большого многонационального контингента рабочих и специалистов, участвовавших в строительстве железнодорожного полотна, тоннелей, мостов, дорог, поселков со всей их инфраструктурой, а также в начале эксплуатации БАМа. Средний возраст «бамовцев», приезжавших в регион, составлял 23–25 лет; за период строительства многие из них успевали обзавестись

семьей, получить жилье и осесть в одном из построенных ими поселков. Молодые люди, приезжавшие на строительство по так называемой комсомольской путевке, были мотивированы как материальными стимулами (повышенными северными зарплатами и льготами при получении жилья и покупке автомобиля), так и идеологией комсомольского движения с его лозунгами «покорения природы» и «строительства новой жизни» [Аргудяева 1987; Железко 1977].

В 1990-е годы в зоне БАМа, как и в других северных регионах России, происходил массовый отток населения. Так, население Каларского района сократилось с 12,6 тыс. чел. в 1999 г. [География... 2002] до 9051 чел. в 2010-м (данные Всероссийской переписи населения 2010 г.: <http://www.gks.ru>, по состоянию на 04.08.2014), прежде всего за счет отъезда «бамовцев» в Центральную Россию или в места своего рождения, в том числе в постсоветские государства. «Бамовцы», не успевшие получить обещанное государством жилье и льготы и не уехавшие с Севера до начала социально-экономического кризиса, оказались в сложных материальных и бытовых условиях.

Несмотря на жесткую критику БАМа и прекращение инвестиций в завершение его строительства и социальную инфраструктуру в 1990-е годы, этот проект был признан уникальным по срокам своей реализации и сложным ландшафтным и природно-климатическим условиям [Байкало-Амурская железнодорожная магистраль 1993]. При отсутствии развитой транспортной инфраструктуры БАМ стал важнейшим средством сообщения и транспортировки грузов на севере Забайкалья и Дальнего Востока.

С социальной и этнической точки зрения строительство БАМа представляло яркий пример нациестроительства, основанного на концепциях многонационального советского народа и дружбы народов. Советская идеология нашла свое воплощение не только в местном фольклоре и искусстве (поэзия, проза, песни и спектакли на тему БАМа), но и в повседневной жизни людей. Интервью с «бамовцами» свидетельствуют о большой социальной сплоченности населения поселков БАМа в советское время — о распространенных межнациональных браках среди самих «ба-

мовцев» и, реже, между «бамовцами» и эвенками, о массовых культурных и общественных мероприятиях, когда люди «гуляли всем домом» и приходили друг другу на помощь в сложных жизненных ситуациях [ПМА 2013]. Не случайно «бамовцы», уехавшие с Севера в 1990-е годы, с ностальгией вспоминают строительство БАМа и связанный с ним период как «лучшее время жизни», которое в ретроспективе стало для них своеобразной социальной утопией [Богданова 2013].

Сегодня категория «бамовцы» в общественном сознании имеет более широкое, чем во время его строительства, толкование: к ней могут причислять себя и те, кто «приехал на БАМ» в 1970–1990-е годы, включая специалистов в сферах образования и медицины, мелких и средних предпринимателей, занятых в сферах торговли и услуг. Появилась и категория населения, которая называет себя «детьми БАМа», — к ней относят себя представители молодого и среднего поколений людей, родившихся в семьях «бамовцев». Несмотря на отсутствие присущей советскому периоду социальной однородности среди «бамовцев», они до сих пор представляют собой особую социальную группу, формирующую основное население крупных поселков и транспортных узлов и выделяющуюся на фоне аборигенного населения Севера [ПМА 2013].

«Приезжие»

Термин «приезжие» обычно ассоциируется с миграциями и мигрантами. С 1990-х годов по сей день в Забайкальском крае ежегодно регистрируется миграционная убыль. На смену уехавшим «бамовцам» в постсоветский период на север Забайкальского края приезжали мигранты из других районов края (63,9 %), из других регионов России (34,4 %) и незначительное число — из стран СНГ (менее 2 %). В 2012 г. в северные районы края всего прибыл 421 чел., из которых 269 чел. приходилось на внутрирегиональную миграцию, 145 чел. — на межрегиональную и 7 — на международную [Миграция населения 2013: 33]. Приток мигрантов в последние десятилетия связан в основном с появлением рабочих мест в организациях Восточно-Сибирской желез-

ной дороги (в состав которой в 1995 г. вошел БАМ) и горнодобывающих компаниях и новых возможностей для ведения бизнеса в сферах торговли и услуг.

В 2000-х годах инфраструктура БАМа начала вновь расширяться за счет реконструкции подводных путей к месторождениям полезных ископаемых. Принятые на сегодняшний день Стратегия социально-экономического развития Сибири и Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона предусматривают дальнейшее освоение минерального сырья. Перспектива увеличения грузопотоков за счет экспорта сырья, преимущественно на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона, предполагает строительство второго пути БАМа. Существующая социальная и транспортная инфраструктура должна стать основной для создания Чарского горнопромышленного узла, в который войдут крупнейшие месторождения севера Забайкальского края [Выступление 2013].

Наиболее распространенным и выгодным видом занятости на горнодобывающих предприятиях, как и в нефтегазовой отрасли [Stammler, Eilmsteiner-Saxinger 2010], является вахтовая работа. На Апсатском угольном месторождении, разрабатываемом ООО «Арктические разработки», трудится более 200 вахтовых рабочих из южных районов края, где компания также ведет добычу угля [Презентация 2012]. На опытно-промышленной установке Байкальской горной компании, получившей лицензию на разработку Удоканского месторождения, также вахтовым методом работают специалисты из других районов Забайкалья [ПМА 2013]. Точных данных о количестве, национальном и половозрастном составе вахтовиков нет по причине отсутствия их статистического учета и закрытости информации компаний. Однако можно утверждать, что временное население севера Забайкалья будет расти по мере развития горнодобывающей промышленности.

Еще одну категорию «приезжих» составляют постсоветские мигранты из стран СНГ. Миграционный поток из постсоветских государств в Забайкальский край растет с каждым годом. Если в 2003 г. в край прибыло 767 мигрантов из стран ближнего зарубежья, то в 2012 г. их количество составило 20 071 чел. В 2012 г.

по числу мигрантов лидировали Узбекистан (10 183 чел.), Таджикистан (3 631 чел.), Кыргызстан (2 340 чел.), Украина и Армения. [Сведения по пребыванию 2013]. На севере Забайкалья мигранты из стран Ближнего Зарубежья — самая небольшая по численности и рассредоточенная группа «приезжих», занятых в основном на мелких предприятиях торговли, общественного питания, бытовых услуг, в сфере транспорта и частично в организациях ВСЖД. В 2013 г. в Каларском районе было зарегистрировано 95 узбеков, 19 азербайджанцев, 13 армян, 6 таджиков и 1 киргиз [Данные Администрации губернатора 2013].

Юридический статус мигрантов и их отношения с другими группами населения регулируются федеральным и региональным миграционным законодательством и Стратегией государственной национальной политики. Однако власти на региональном и тем более на местном уровнях начали уделять внимание этой группе населения сравнительно недавно, преимущественно в свете роста межэтнической напряженности и «этнической» преступности в других регионах страны. Лишь в 2013 г. в г. Чите был открыт Центр социокультурной адаптации мигрантов, на базе которого планируется проведение занятий по русскому языку и российскому миграционному законодательству, а также оказание социальной и психологической помощи семьям мигрантов. На севере Забайкалья подобные центры, как и другие государственные институты защиты интересов мигрантов, пока отсутствуют. Поэтому основную роль в адаптации мигрантов на новом месте жительства традиционно играют социальные сети — семейные и дружеские связи.

Социальные отношения

Строительство БАМа обусловило важные социальные изменения на севере Забайкалья. Магистраль стала важнейшим и иногда единственным средством сообщения для местного населения. Одновременно она сделала регион открытым для мигрантов, за счет которых сформировались его основное население и поликультурная социальная среда. Так, большинство поселков Каларского района связано с административным центром, пос. Нов. Чара, ис-

ключительно благодаря железной дороге. Современные оленеводы также используют БАМ в своей повседневной жизни — они перевозят продукты и товары широкого потребления, купленные в поселке, до ближайшей к стойбищу станции на поезде и лишь оттуда транспортируют до места назначения на оленях.

На ранних этапах в реализации проекта БАМа участвовало все местное, в том числе аборигенное, население. Примером сотрудничества между эвенками и многонациональным населением, приехавшим в регион на строительство БАМа, было привлечение оленеводов в качестве каюров на этапе проектно-исследовательских работ в 1960-х годах [ПМА 2013]. Геодезисты и проектировщики арендовали оленей в северных колхозах, нанимая оленеводов для транспортировки продовольствия и грузов к местам их лагерей. Однако в более поздние периоды коренное население практически не участвовало в строительстве БАМа. Функционирование магистрали не только не решило острой проблемы занятости среди коренного населения, но и ухудшило состояние пастбищ и охотничьих угодий [Anderson 1991]. Как крупный индустриальный объект, БАМ на протяжении своего строительства и эксплуатации оказывал негативное воздействие на традиционный хозяйственный комплекс эвенков. Его появление привело к изменению таежных ландшафтов, нарушению оленьих пастбищ и путей миграций животных и загрязнению окружающей среды в целом [Задорожный и др. 1995; Fondahl 1998].

Следствием доступности отдаленных уголков тайги с помощью БАМа также стала проблема браконьерства, в котором, как и в загрязнении природы, коренное население обвиняет «бамовцев» и «приезжих». В данном случае эти две категории населения понимаются эвенками как эквивалентные и включают, помимо собственно строителей БАМа, «диких» туристов и охотников-любителей [Поворознюк 2011]. Обвинения эвенков в адрес «бамовцев» и «приезжих» объясняются не только негативным влиянием БАМа на окружающую среду, но и советской идеологией покорения природы и «окультуривания» «северных просторов» и их аборигенного населения [Хабек 2006].

По мере развития горнодобывающего комплекса севера Забайкалья растет конкуренция за природные ресурсы, прежде всего земли, между хозяйственными объединениями коренного населения, занятого в традиционных отраслях, и компаниями. Государственная политика, которая на районном и местном уровнях реализуется коалицией властей и промышленных компаний, направлена на добычу сырья и оставляет мало возможностей для развития традиционных отраслей хозяйства, в которых занято аборигенное население. По словам информантов, заявления одной эвенкийской оленеводческой общины о том, что на отчуждаемых территориях ведется выпас оленей, сделанные на публичных слушаниях по проекту разработки Удоканского месторождения, были отклонены как безосновательные [ПМА 2013]. Компания-разработчик оказывает поддержку детям-сиротам, ветеранам Великой Отечественной войны Каларского района, а также участвует в социальных проектах по развитию туризма и спорта в районе и крае. Однако ее социальная программа не отражает интересы представителей коренных народов Севера, проживающих в поселках и ведущих кочевой образ жизни в местах, которые подвергаются или в ближайшем будущем подвергнутся экологическому и социальному воздействию в результате деятельности компании [Проект освоения 2013: 6].

Несмотря на свои официальные заявления и программы повышения занятости местного, в том числе аборигенного, населения, горнодобывающие компании редко реализуют их на практике. Например, в 2013 г. большинство сотрудников Байкальской горной компании, занятых на Удоканском месторождении, состояло из рабочих и специалистов, преимущественно русских, из других районов края. Работа на опытно-промышленной установке компании велась вахтовым методом. Как свидетельствуют проведенные интервью, среди факторов, препятствующих трудоустройству кандидатов на вакансии из числа коренного и местного населения, — негативные этнические стереотипы, особенно в отношении эвенкийского населения. [ПМА 2013].

Игнорирование или ущемление прав коренного населения на земли и трудоустройство вызывает ответную реакцию. Предста-

вители общественных организаций коренных малочисленных народов Забайкальского края, главы оленеводческих хозяйств и национальные лидеры выражают открытый протест. Остальное эвенкийское население в основном использует стратегию молчаливого противостояния индустриальным проектам, веря скорее в силу шаманов, чем во влияние общественных организаций или справедливость принимаемых политических решений. Отсутствие государственных инвестиций сегодня мешает разработчикам Удоканского месторождения выйти на проектную мощность. Такое положение позволяет сохранить ресурсный потенциал, необходимый для развития традиционных отраслей и этнотуризма, с привлечением местного, особенно коренного, населения, что представляет собой перспективу устойчивого развития за счет диверсификации экономики и решения актуальной социальной проблемы безработицы.

Небольшая по численности группа постсоветских мигрантов и вахтовиков вызывает неоднозначные, зачастую критические, оценки со стороны местного населения — «бамовцев» и эвенков. Они вызваны прежде всего потенциальной и реальной конкуренцией за рабочие места в сферах, где мигранты оказываются более успешными: в торговле, сервисе, добывающей промышленности. Негативное отношение к «приезжим» характерно для населения поселков и городов БАМа в других регионах. Так, «коренные» жители Северобайкальска винят в разрушении социальной и экологической среды города и увеличении уровня преступности «гастролеров» или «залетных птиц» [Байкалов 2002: 168]. В данном случае идентификация «бамовцев» с «коренным» и/или «местным» населением и противопоставление себя «приезжим» указывает на то, что для «бамовцев», осевших на Севере, этот регион стал домом.

В Забайкальском крае мероприятия, направленные на гармонизацию межнациональных отношений, в том числе отношений между местным населением и мигрантами, финансируются в рамках нескольких целевых программ. Среди них — программа сохранения нематериального культурного наследия народов Восточного Забайкалья, программа добровольного переселения со-

отечественников в РФ и др. Традиционно в центре внимания региональных властей — русскоязычное население, коренные народы, а также сложившиеся на протяжении многих десятилетий диаспоры, интересы которых представляют зарегистрированные общественные организации и национально-культурные автономии [Данные Администрации губернатора 2013]. Однако отсутствие в регионе опыта целенаправленной работы по адаптации и интеграции зарубежных мигрантов ведет к появлению этнических стереотипов и социальной напряженности, которая, впрочем, сравнительно редко проявляется в северных районах края.

Выводы

«Аборигены», «бамовцы» и «приезжие» — названия основных групп населения севера Забайкалья, культурные границы между которыми являются довольно условными и проницаемыми, изменяясь в процессе их взаимодействия. На севере Забайкалья и особенно в Каларском районе, относящемся к зоне БАМа, доминирующее общество составляют советские и постсоветские трудовые мигранты в первом и втором поколениях. В связи с этим актуальным здесь является вопрос об определении критериев принадлежности к местному сообществу и населению, дающих право на приоритетный доступ к ресурсам. Такими критериями могут быть временной ценз оседлости и самоидентификация мигрантов, основанная на их «укорененности» — социальных связях, психологической, культурной и экономической адаптации к условиям жизни на Севере.

Очевидно, наиболее адаптированным населением Забайкальского Севера являются эвенки, тогда как вопрос принадлежности представителей других групп к коренному и местному населению является более сложным и спорным. Зачастую названия и идентичности, приписываемые той или иной группе населения или индивиду извне, отличаются от их самоназвания и самосознания. Так, «бамовцы», приехавшие на Север в 1970–1980-х годах, относят себя к коренному населению в противоположность «приезжим» — постсоветским мигрантам, с одной стороны, и «аборигенам» — с другой. В то же время, с точки зрения эвен-

ков, в некоторых ситуациях и «бамовцы», и постсоветские мигранты входят в одну и ту же категорию «приезжих».

В поздний советский период, когда существовала относительно справедливая система распределения благ и рабочих мест, отношения между местным и пришлым населением характеризовались стабильностью и сотрудничеством. Сегодня эти отношения зачастую перерастают в конкуренцию за ресурсы: земли, рабочие места, социальную поддержку и льготы и т.д. В условиях современной экономики, ориентированной на добычу полезных ископаемых, развивается в основном горнодобывающий комплекс, в то время как другие отрасли, имеющие большое значение для местного населения, находятся в состоянии стагнации или кризиса. Такое одностороннее экономическое развитие не только не решает, но и усугубляет многие экологические и социально-экономические проблемы коренных жителей севера Забайкалья. Крупные горнодобывающие компании, работающие в регионе, в процессе своей деятельности разрушают северные ландшафты, в том числе пастбища и охотничьи угодья, с одной стороны, и редко выполняют свои обязательства по повышению уровня занятости местного населения — с другой. Развитие традиционных (оленоводство, охота) и новых, экологически ориентированных (этнотуризм) отраслей хозяйства представляет перспективу устойчивого социально-экономического развития севера Забайкалья за счет диверсификации экономики, повышения занятости местного населения, имеющего навыки для работы в этих отраслях, и в итоге — снижения социальной напряженности в отношениях между коренным и «приезжим» населением.

Большую роль в стабилизации социальных отношений между разными группами многонационального населения севера Забайкалья играет государственная национальная политика и местная политика идентичности. Советская политика нациестроительства, успешно воплощавшаяся в условиях масштабных индустриальных проектов, подобных БАМу, в 1970–1980-х годах вела к социальной сплоченности населения региона и интеграции мигрантов. Реализация принятой в 2012 г. Стратегии государственной национальной политики в Забайкальском крае преду-

смаатривает мониторинг состояния межэтнических отношений, поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций, деятельность которых связана с сохранением и популяризацией языков и культур этнических меньшинств и коренных народов Забайкалья. В то же время политика и практика интеграции трудовых мигрантов из зарубежных стран лишь начинает формироваться.

В северных районах Забайкалья межнациональные и социальные отношения традиционно характеризуются относительной толерантностью и стабильностью (по сравнению с другими районами и регионами). Поскольку постсоветские мигранты имеют невысокий социальный статус и меньше прав на ресурсы и льготы, то те из них, кто планирует длительное время или постоянно проживать в регионе, стремятся «влиться» в местное население как можно быстрее. При этом критерии принадлежности в местному сообществу публично обсуждаются аборигенными лидерами, политиками и руководством промышленных компаний в рамках местной политики идентичности и транслируются в повседневные дискурсы, культурные и этнические стереотипы и практики социальных отношений, варьирующие от сотрудничества до конкуренции и напряженности.

Источники

Выступление и.о. министра природных ресурсов и экологии Забайкальского края О. А. Полякова «Перспективы освоения природных ресурсов и развития промышленности районов севера и юго-востока Забайкальского края». Чита, 19 августа 2013 г.

Данные Администрации губернатора Забайкальского края. Сентябрь 2013 г.

Данные Администрации Каларского района. Сентябрь 2013 г.

Миграция населения Забайкальского края: статистический сборник. Чита: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Забайкальскому краю, 2013.

ПМА 2013 (г. Чита, Каларский р-н Забайкальского края).

Презентация «Апсатское каменноугольное месторождение» // ООО «Арктические разработки». Москва, июнь 2012 г.

Проект освоения Удоканского месторождения меди. Справочно-информационный документ // Байкальская горная компания, август 2013.

Сведения по пребыванию иностранных граждан из стран ближнего зарубежья на территории Забайкальского края (с целью «работа») // Управление Федеральной миграционной службы по Забайкальскому краю. 2013.

Библиография

Аргудяева Ю. В. Формирование и развитие молодой семьи в осваиваемых районах Сибири и Дальнего Востока (на материалах БАМа) // Демографическое развитие Сибири (прикладные и теоретические аспекты исследования) / ред. С. В. Соболева. Новосибирск, 1987. С. 126–133.

Байкало-Амурская железнодорожная магистраль: технический отчет. Летопись трудовых достижений на строительстве БАМ. 1967–1989 / ред. В. А. Брежнев. М., 1993.

Байкалов Н. Н. Северобайкальск — город в первом поколении // Байкальская Сибирь. Фрагменты социокультурной карты: альманах-исследование / ред. М. Я. Рожанский. Иркутск, 2002. С. 166–168.

Белкин Е. В., Шереги Ф. Е. Формирование населения в зоне БАМа. М., 1985.

Богданова Е. А. Как утопия стала реальностью. «Строительство БАМа — самое счастливое время в моей жизни» // Топография счастья: этнографические карты модерна: сб. ст. / сост. Н. Н. Ссорин-Чайков. М., 2013. С. 199–218.

Бурыкин А. А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // Расы и народы / ред. З. П. Соколова, Д. А. Функ. М., 2002. Вып. 28. С. 188–213.

Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.) / отв. ред. Н. А. Кисляков, В. Н. Чернецов. Л., 1969.

География Каларского района / В. С. Кулаков, В. С. Рыжий, А. Е. Снегур. Чита, 2002.

Железко С. И. Профессионально-квалификационная структура рабочей силы и строителей БАМа // Социальные проблемы строительства БАМа / ред. В. И. Бойко, А. И. Алексеев и др. Новосибирск, 1977. С. 111–120.

Задорожный В. Ф. [и др.] Традиционное природопользование эвенков: обоснование территорий в Читинской области. Новосибирск, 1995.

Карпов Е. В. Проблемы социальной мобильности эвенков Забайкалья в 1950–1990-х годах. Иркутск, 2003.

Поворознюк О. А. Забайкальские эвенки: социально-экономические и культурные трансформации в XX–XXI веках. М., 2011.

Соколовский С. В. Современный этногенез или политика идентичности // ЭО. 2012. № 2. С. 77–83.

Туголуков В. А. Витимо-олекминские эвенки // ТИЭ. Т. 78. IV Сибирский этнографический сборник / отв. ред. Б. О. Долгих. М., 1962. С. 67–97.

Хабек Й. О. Гендер, культура и северные просторы // ЭО. 2006. № 4. С. 59–84.

Якель Ю. Я. Общая характеристика действующего законодательства. Проблемы практики применения // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М., 2012. С. 8–21.

Anderson D. G. Turning Hunters into Herders: A Critical Examination of Soviet Development Policy among the Evenki of Southeastern Siberia // Arctic (Journal of the Arctic Institute of North America). March, 1991. Vol. 44, № 1. P. 12–22

Barth F. (ed.) Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference. Prospect Heights, Illinois, 1998 [1969].

Bolotova A., Stammler F. How the North Became Home: Attachment to Place Among Industrial Migrants in Murmansk Region // Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts / ed. by L. Huskey, Ch. Southcott. University of the Arctic, Canadian Circumpolar Institute, 2010. P. 193–220.

Fondahl G. Gaining Ground? Evenkis, Land and Reform in Southeastern Siberia. Boston, 1998.

Kwon H. Movements and transgressions: human landscape in North-eastern Sakhalin // Arctic Ecology and Identity / ed. by S. A. Mousalimas. Budapest, 1997. P. 143–168.

Povoroznyuk O., Habeck J. O., Vaté V. Introduction: On the Definition, Theory, and Practice of Gender Shift in the North of Russia // Anthropology of East Europe Review. 2010. Vol. 28, № 2. P. 1–37.

Sahadeo J. *Druzhba narodov* or Second Class Citizenship? Soviet Asian Migrant in a Postcolonial World // Russia in Motion. Cultures of Human Mobility Since 1850 / ed. by J. Randolph, E. M. Avrutin. University of Illinois Press, Urbana; Chicago; Springfield, 2012. P. 150–171.

Stammler F., Eilmsteiner-Saxinger G. (eds). Biography, Shift-Labour and Socialisation in a Northern Industrial City // The Far North: Particularities of Labour and Human Socialisation (Proceedings of the International Conference in Novy Urengoy, Russia, 4–6 December 2008). Rovaniemi, 2010.

Abstract

The northern Transbaikalian Region is characterized by rich natural resources and culturally and ethnically diverse population including indigenous Evenkis and migrants who arrived to the region in different periods of its industrial exploration. The paper focuses on social relations between three different groups — “aborigeny” (indigenous Evenki population), “bamovtsy” (or BAM builders) who came to the region during the construction of the Baikal-Amur Railway, and “priezzhie” (post-Soviet migrants). Evenkis represent the most stable and “rooted” group of the northern population with the lowest social and geographical mobility, which explains their name (“aboriginals”). “Bamovtsy” are the major multiethnic population who migrated to the region in the 1970–1990s in order to build the railroad with its adjacent villages and social infrastructure motivated by both material stimuli and Komsomol ideology and romantic images of “nature conquerors”. The category of “priezzhie” (“newcomers”) is constituted by the workforce of operating mining companies who migrated from other parts of the region or neighboring regions, as well as by recent migrants from the former Soviet republics working mostly in retail trade and services. The interrelations between “aborigeny” and “bamovtsy” were characterized as cooperation at the initial stages of BAM planning and construction, whereas later, BAM had negative environmental impacts on traditional lands leaving indigenous population unemployed and uninvolved in its construction. The present day interrelations between indigenous Evenki population, BAM builders, and Post-Soviet migrants (including shift workers employed by industrial companies) are characterized by competition for resources. The cultural boundaries between the three groups of population, manifested in the process of their interrelations, are rather flexible and penetrable. Thus, the criteria of belonging to the local population, claimed by migrants, are discussed by local leaders, activists, and politicians and translated into everyday discourses and social practices ranging from cooperation to competition, to tensions. This paper examines the dynamics of social interrelations in the northern Transbaikalian Region in the context of resource economy, migrations, state and local identity politics in the late Soviet and Post-Soviet periods.